

возчиков. Здесь останавливались кареты, и путники могли отдохнуть, чтобы с новыми силами отправиться в путь. В подвале этого дома преданные английскому престолу люди прятали короля Чарльза I от солдат Оливера Кромвеля. Об этом нам поведал хозяин "Белого сердца" Питер Хогдан.

Итак, мы сидели в уютном баре, в мягких кожаных креслах, попивая кто вино, кто пиво, кто кофе, беседовали с Питером в ожидании, когда нас пригласят к ужину.

Ресторан от бара был отделен огромным старинным камином, потемневшим от времени, с замысловатой чугунной решеткой. На просмоленном деревянном выступе тускло мерцали медные блюда с изображением всевозможных гербов, птиц и животных, которыми в Англии традиционно по праздникам украшали конскую сбрую. Сухие букетики полевых цветов, фарфоровые фигурки, старые куклы, пивные кружки, всевозможные колокольчики — все это висело, стояло, лежало на камине, придавая ему вид старого антикварного магазина.

Через несколько минут из-за камина выплыла хозяйка и пригласила нас пройти в ресторан. Обогнув камин, мы оказались в зале, разделенном на две части аркой из разноцветного кирпича. Тусклые светильники, мягко освещающие столы и стулья с высокими резными спинками, рисовали загадочные тени на стенах, увешанных маленькими картинками и фотографиями. В арке друг напротив друга висели два овальных зеркала с прикрепленными к основанию подсвечниками. Пламя свечей, отражаясь в зеркалах, придавало залу таинственный и мистический вид. Нас пригласили к столу, над которым на веревке болталась какая-то кукла.

Изрядно проголодавшись, мы с удовольствием принялись за ужин. Зазвенели хрустальным звоном бокалы, фарфор откликнулся на торопливое прикосновение вилок и ножей. В этот же момент над нашими головами раздался отвратительный хохот. Я взглянула вверх, — хохотала кукла. Кукла представляла собой ведьму на метле, с мерзкой гримасой на зеленом лице, с пшеничными волосами. На ней был надет черно-изумрудный парчовый плащ и такой же колпак с волнистыми полями. Эта игрушка реагировала на звон посуды сатанинским смехом. Мы, как дети, наперебой начали колотить вилками по тарелкам — ведьма отвечала нам леденящим душу хохотом.

Подошел Питер, поинтересовался, довольны ли мы ужином. "О! — засмеялся Пол. — Эта ведьма у вас, как привидение". "Привидение? — оживился хозяин. — Но у нас в "Белом сердце" действительно живут привидения. Я позову сейчас жену, она вам лучше расскажет об этом, чем я. Диана! — крикнул Питер. — Иди сюда, расскажи, пожалуйста, о наших привидениях".

Двери распахнулись, и из кухни выпорхнула Диана. Набрав полную грудь воздуха и придав лицу таинственное выражение, она начала говорить без запинки, как человек, который в сотый раз рассказывает одну и ту же историю.

Паб "Белое сердце" слыл беспокойным местом с давних времен. Питер и Диана приобрели этот дом четыре года назад, и старые хозяева предупредили их, что в доме живут привидения — три пожилые леди, которые на протяжении многих лет время от времени являются на светлые

очи посетителей паба. Старушки имеют нрав весьма шаловливый и причиняют немало беспокойства хозяевам дома. Став владельцами "Белого сердца", супруги Хогдан смогли убедиться в этом сполна. Периодически в доме начинают твориться беспорядки — чистые стаканы падают с полки, бокалы с пивом ездят по столу, в зале ресторана вдруг одна за другой начинают гаснуть только что зажженные свечи, раздаются звонки в дверь — а за дверью никого, в пустых комнатах по ночам скрипят половицы.

Однажды хозяйка пригасили в "Белое сердце" миссис Дженет Дент, почтенную даму, пользующуюся большим уважением в кругу медиумов. Когда ушли последние посетители, паб закрыли, и за стол в ресторане сели семь человек: миссис Дент, Питер, Диана, пара близких друзей и прислуга. Ровно в полночь спиритический сеанс начался. Старушка вошла в транс, стол затрясся, и лежавшие на нем предметы закружились по часовой стрелке. Внезапно ледяной ветер пронесся по залу, пламя свечей задергалось в дикой пляске, и миссис Дент вошла в контакт с призраками. Как оказалось, привидений было не три, а четыре. Помимо трех милых старушек существовал еще некий злой и неприветливый пожилой мужчина. На вопрос медиума, кто он такой, старик ответил, что его зовут Закарайя, и он умер от туберкулеза. Миссис Дент сообщила этой призрачной компании, что пришла помочь им вернуться в их мир и перестать маяться на бренной земле, на что Закарайя категорически заявил: "Я не хочу уходить, мне нравится здесь". Старые леди скромно промолчали.

После встречи с Дженет Дент привидения немного поутихли, перестала разбиваться посуда и падать предметы, но звонки в дверь и странные звуки в пустых комнатах продолжают продолжаться. Диана поведала нам, что две недели назад в "Белое сердце" приезжали специалисты по паранормальным явлениям. Они остались на ночь, расположили микрофоны в спальнях, на лестнице, в пабе и на специальном оборудовании записывали звуки, нарушающие ночную тишину дома. В конце этого месяца радио Линкольна будет делать программу о привидениях, живущих в пабе "Белое сердце" деревушки Ньютон-на-Тренте графства Линкольншир.

Было около одиннадцати ночи, когда мы вышли на улицу. Сев в машину, я бросила прощальный взгляд на небольшой домик, белеющий в темноте. На втором этаже в крошечном окошке загорелся теплый оранжевый свет.

Маленький уголок истории, хранящей страхи и переживания Чарльза I, сколько благородных рыцарей и простолудинов нашли приют в этих стенах в промозглые, дождливые осенние вечера! Сколько веселых свадеб было сыграно в старом пабе, и сколько разбитых сердец покидало по утрам гостиничные номера! Счастье, трагедии, драмы — сколько всего повидал этот маленький дом за четыре столетия? Сколько тайн хранят его стены?

Я еще раз взглянула на "Белое сердце", сквозь рваную тучу голубоватый свет луны упал на темное окно, и мне показалось, что, чуть-чуть отодвинув занавеску, маленькая старушка в старомодной шляпке помахала мне рукой.

Саксели, Линкольншир

Вера САРАНЦЕВА

Лужа

Возомнила лужа себя океаном. "Я океан! Я океан!" — с упоением повторяла лужа. Налетавший порой ветерок создавал видимость волн на поверхности лужи. И тогда она раздувалась от важности и выходила из своих берегов. Мальчишки сооружали из бумаги пароходики и прибегали к луже поиграть в океан. И наша лужа вновь раздувалась от чувства гордости и собственной значимости. "Глупые мальчишки, — думала лужа, — ведь они не понимают, что с океаном шутки плохи — недолго и до кораблекрушения".

Порой в ночное время кто-то случайно

вступал в лужу, пугаясь от неожиданности и бормоча при этом: "Да тут целый океан!" — что приводило лужу в неопишуемый восторг. "То-то же, — думала она, — с океаном на "ты" не получится".

В теплые весенние дни к луже прилетали воробьи на водопой и весело бултыхались в прохладной воде. "Пейте, пейте из меня воду, — снисходительно думала лужа, — в океане вода неиссякаема".

Наступило лето. Палящие лучи солнышка за несколько дней иссушили лужу, на месте которой не осталось и капли воды.

Лада ПРОКОПОВИЧ

ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ

Редактор газеты "Всемирные одесские новости" позвонил мне как раз в тот момент, когда я переставляла оловянных солдатиков. Эта небольшая коллекция стоит на книжной полке. Вытаскивая книгу "Похождения бравого солдата Швейка", я задела гусара, сидящего на лошади. Пытаясь правой рукой усадить гусара обратно в седло, левой я держала телефон и слушала Евгения Михайловича.

— На днях выходит очередной номер газеты, — говорил он, — и если у вас есть рассказ ко Дню Победы, вы можете успеть поместить его в этом номере.

— Да нет, — с сожалением сказала я. — На эту тему я ничего не пишу. Что я могу добавить к тому, что уже сказано и написано о той войне?..

Мы еще немного поговорили, и я вернулась к своим солдатикам. Усадив, наконец, гусара на лошадь, поправив ему кивер, я вдруг заметила, что среди воинов разных эпох стоят фашисты. Два немецких офицера и один солдат. Я совсем забыла об их существовании... Лет десять назад нам их подарил друг. Не подарил даже, а просто оставил как образцы продукции его фирмы. "Сейчас они пользуются бешеным спросом", — заметил он. "А Советская Армия?" — спросила я. "Чуть меньше, — последовал ответ. — У них форма не такая эффектная".

Как лезвием полоснуло по уху "у них"... Но я ничего не сказала. И не стала спорить с конъюнктурой рынка, а взяла и поставила подарочных вояк в самый темный угол полки. Пускай там сверкают своими автоматами и начищенными сапогами.

И вот сегодня они все-таки попались мне на глаза. Только что-то не больно эффектно они сегодня сверкают... Я пригляделась и увидела на них толстый мохнатый слой пыли. "Пыль веков", — пронеслось в голове. Но что-то мешало принять эту формулу... Нет, не веков... Это — пыль возмездия. Ведь на других-то войнах — войнах-защитниках — ни пылинки!

Господи! Если бы можно было любую войну припорошить пылью! Припорошить в самом ее начале, в зародыше, когда она только вызревает в мозгах очередных алчных безумцев... Смех Вольтера погасил костры инквизиции. Может быть, когда-нибудь и войны будут погашены смехом солдата Швейка и пылью с моих оловянных солдатиков... Во всяком случае, мы со Швейком будем стараться!

Ольга ПОЧТАРЕНКО

Не ищи ты меня в полутьме,
Я всей правды тебе не скажу,
Лишь три строчки оставлю в письме,
Я его на буфет положу

И пусть капли слетают с щеки,
Слишком поздно горюешь, забрось.
Заплели пауки узелки,
Значит, вечно мы жить будем врозь.

И поеду гулять по весне
В те края, где не встретишь меня.
Приходи ко мне лучше во сне
На закате весеннего дня.

Пусть гитары порвется струна,
Зазвонит под аккорд тишины,
Уезжаю, прощай, старина,
И себя ни в чем зря не вини.

Николай ШАПАРЕВ

Ворчунки

В рассуждениях умных этих,
несомненно, есть банальность:
Раз признали бесконечность,
быть должна и безначальность.

Печать объяли мутные туманы.
В них колдуны, гадалки и шаманы.

Прекраснобедрая, мила ты, просто страх,
И в черной юбке, и в тугих штанах.

Красиво пеликан парил,
но всем вдруг стало жарко,
И каждый небеса молил,
чтоб не было подарка.

Что ж, старомоден я, не очень актуален:
Одну лишь букву "н" пишу я в слове Таллин.

Чувствителен подчас укол простой иглой,
Но памятной всегда боль от иглы тупой.

Ни дня без строчки! Что одна строка?
Скажу смелей: Ни дня без ворчунка!

Матерый матершинник,
коварный Губерман
В концерте сделал даму
всю красной без румян.

Ворчанье — золото, кто в этом усомнится?
Готов всегда ворчать, когда ворчит.

У зависти лицо прискорбно и печально,
На всех и на себя в обиде изначально.

Все едят ее глазами, все дыханье затаили:
Выступает перед нами Нина Ананишвили.

С Плетнёвым Спиваков
2-ой Концерт играли

В неделю раза два, признаюсь по секрету,
Наркотики я пью: читать берусь газету.

Чайковского
в совсем замороженном зале.